

«Вы не собираетесь застрелиться?»

Донос

С Испании все и началось. После возвращения с Пиренеев автор «Испанского дневника» принимает Сталин. Вождь шутит, называет Кольцова доном Мигелем, а в его сейфе уже лежит донос, которому дан ход. Донос написал генеральный комиссар интербригады Андре Марти, с которым Кольцов не поладил в Испании и нажил в нем смертельного врага. Донос Марти был обнаружен много лет спустя в личном архиве Сталина. Вот его подлинный текст.

«Мне приходилось уже и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самочинно узурпированы им. Его вмешательство в военные дела, использование своего положения как представителя Москвы сами по себе достойны осуждения. Но в данный момент я бы хотел обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением.

1. Кольцов вместе со своим известным спутником Мальро вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер. 2. Так называемая «гражданская жена» Кольцова Мария Остен (Грессгенер) является, у меня лично в этом нет никаких сомнений, засекреченным агентом германской разведки. Убежден, что многие провалы в военном противоборстве — следствие ее шпионской деятельности».

Сталин поверил.

Тюремные очерки

Передо мной — следственное дело № 21620, которое все эти годы лежало в Центральном архиве КГБ-ФСБ. Три тома лжи, клеветы, наветов, оговоров, три тома убийственных характеристик и — от этого тоже никуда не деться — показаний самого Кольцова, которые сыграли роковую роль в судьбах многих людей.

Первый допрос состоялся 6 января 1939 года, и вел его сержант Кузьминов.

— 5 января вам предъявлено обвинение, что вы являетесь одним из участников антисовет-

ТАКОЙ ВОПРОС ОДНАЖДЫ ЗАДАЛ СТАЛИН МИХАИЛУ КОЛЬЦОВУ

99129 Кольцов Михаил Ефимович 1898г.

ской правотроцкистской организации и что на протяжении ряда лет вели предательскую шпионскую работу. Вы признаете себя в этом виновным?

— Нет, виновным себя в этом не признаю.

Но скоро с Кольцовым порабатили заплечных дел мастера, и на допросе 21 февраля он дрогнул, признав, что в 1919 году опубликовал ряд статей, направленных против советской власти. Потом была более чем месячная пауза. На допросы Михаила Ефимовича не вызывали, но... предложили написать личные показания.

И Кольцов засел за «тюремные очерки». Читать их сегодня больно и грустно.

«...В 1923 году я начал редактировать иллюстрированный журнал «Огонек». Это время было первым периодом напа, и, практически извращая линию партии в области издательского дела, я ориентировал содержание журнала главным образом

на рыночный спрос, заботясь не об идеологическом содержании журнала, а об угождении читателю, об обслуживании всякого рода «сенсациями». В 1923 и в 1924 гг. были помещены хвалебного характера очерки и снимки Троцкого, Радека, Рыкова и Раковского «за работой».

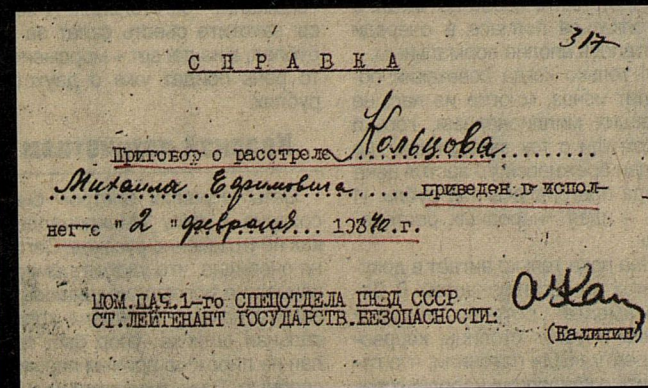
По мере того как журнал «Огонек» разросся в издательство, вокруг него постепенно сформировалась группа редакционных и литературных работников, частью аполитичных, частью чуждых советской власти, являвшаяся в своей совокупности группой антисоветской».

Далее Михаил Ефимович называет конкретные имена и каждому дает такие уничижительные характеристики, что прямо хоть сейчас посылай за этими людьми «воронок». По первое число досталось Роману Кармену, Евгению Петрову, Наталье Сац, Валентину Катаеву, Всеволоду Вишневскому, Семену Кирсанову, Илье Эренбургу и

многим другим, в том числе и видным советским дипломатам. А когда его вызвали на допрос, Кольцов вспомнил, что забыл упомянуть Маяковского, семейство Бриков, Эльзу Триоле, Фадеева, Стаханова, Зильберштейна, Антонова-Овсенко, и... такого на них наговорил, что сержант Кузьминов, ставший к этому времени лейтенантом, с нескрываемым удовольствием внес все это в протокол.

Такой ценой он пытался избежать нечеловеческих пыток. И в этом он был, увы, не одинок. Его тоже не щадили. Например, бывшая сотрудница «Правды» Наталья Красина заявила: «Кольцов — известный бабник и разложенец в бытовом смысле: он не пропускал ни одной девушки и ухаживал по очереди за всеми нашими машинистками». Арестованный к тому времени Исаак Бабель утверждал, что Кольцов был связан по шпионской работе с французским писателем Андре Мальро. Но

Этот, на первый взгляд, шуточный вопрос предшествовал расправе над самым известным журналистом довоенного времени. Популярность Кольцова была сравнима с популярностью челюскинцев или папанинцев, к его книгам писали предисловия Бухарин и Луначарский, он состоял в переписке с Горьким, неоднократно встречался со Сталиным — и вдруг арест... Это произошло 13 декабря 1938 года прямо в редакции «Правды». За что? Почему? Ведь он был одним из редакторов «Правды», представителем иностранной комиссии Союза писателей, основателем «Вечерней Москвы», «Огонька», «Крокодила», депутатом Верховного Совета, членом-корреспондентом Академии наук, воевал в Испании и был награжден орденом Красного Знамени.

самое удивительное заявление сделал Николай Ежов, тот самый глава НКВД, который уничтожил тысячи людей, а затем и сам оказался за решеткой. На вопрос следователя, кто был связан с его женой по шпионской работе, он, не моргнув глазом, ответил: «На это могу вы- сказать более или менее точные предположения. После приезда журналиста Кольцова из Испании очень усилилась его дружба с моей женой, которая, как известно, была редактором «Иллюстрированной газеты». Эта дружба была настолько близка, что жена посещала его даже в больнице во время его болезни. Я как-то заинтересовался причинами близости жены с Кольцовым и однажды спросил об этом. Жена вначале отделилась общими фразами, а потом сказала, что эта близость связана с ее работой. Я спросил, с какой работой — литературной или другой? Она от- ветила: и той, и другой. Я по- нял, что Ежова связана с Коль- цовым по шпионской работе в пользу Англии».

Вот так-то!

А что Кольцов? Окончательно сломленный, и он дал собственноручные показания на самого близкого ему человека.

«С моей второй женой, немецкой коммунисткой Марией Остен (настоящая фамилия — Грессгенер), я познакомился в 1932 году в Берлине. До меня ее знали Горький, Эренбург, Федин, Маяковский, Тынянов. Она уже бывала в СССР и хотела поехать на более продолжительное время. Я предложил поехать вместе со мной. Вскоре у нас началась связь, которая перешла в семейное сожительство... У нее были широкие связи в среде политэмигрантов, а также с литераторами Фединым, Тыняновым, режиссером Эйзенштейном и другими. Бывала у Радека.

Некоторые ее знакомства были крайне подозрительны, и

разговоры, которые велись, носили антисоветский характер. Но так как я сам уже был повинен в более значительных преступлениях, то молчал и продолжал покровительствовать. Летом 1937-го я узнал, что она находится в связи с немцем — певцом Бушем. Наша личная связь на этом прервалась, однако я оставил Марии денег и устроил на работу в Ассоциации писателей в Париже».

Возможно, Кольцов так спокойно рассказывал о Марии потому, что она в Париже и из Москвы ее не достать. Более того, незадолго до ареста Михаил Ефимович смог позвонить в Париж и строго-настрого запретил Марии приезжать в Москву. К сожалению, она его не послушалась и, узнав об аресте Кольцова, примчалась в Москву. Надеюсь перестать быть «подозрительной иностранкой» и тем самым не компрометировать Кольцова, она приняла советское гражданство. Не помогло. Ее арестовали. И знаете, когда? 22 июня 1941 года. Других дел у доблестных советских чекистов в этот день не было. Расстреляли ее в сентябре 1942-го как германскую и французскую шпионку.

Приговор

А Михаила Кольцова судили 1 февраля 1940-го. Перед этим он признал себя виновным в том, что:

1. Будучи завербован Радеком, передавал шпионскую информацию германским журналистам.

2. Содействовал Марии Остен в ее связи с английскими шпионскими элементами в среде немецких эмигрантов.

3. Будучи завербован Мальро и Эренбургом, сообщил им шпионские сведения для французской разведки.

4. Будучи в 1936–1937 годах в Испании, оказывал содействие американскому шпиону Луи Фишеру и сообщал ему шпионские сведения о помощи СССР Испании.

Читаю протокол закрытого заседания Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством одной из самых зловещих личностей тех лет — Ульриха. Само собой разумеется, протокол имеет гриф «Совершенно секретно» и отпечатан в одном экземпляре. Председательствующий спрашивает: «Признаете ли вы себя виновным?» И тут судей ждал большой сюрприз! Протокол есть протокол, эмоции в нем не отражены, но можно себе представить, как говорил Кольцов и как слушал Ульрих.

«Подсудимый ответил, что виновным себя не признает ни в одном из пунктов предъяв-

ленных ему обвинений. Все предъявленные обвинения им самим вымышлены в течение 5-месячных избиений и издевательств. Предъявленный ему 2-й том собственноручных показаний он подтвердил, признал, что все написано им самим, но он это сделал по требованию следователя. Отдельные страницы и отдельные моменты реальные, но он никому из иностранных журналистов не давал никакой информации. С Луи Фишером встречался, но никогда не имел с ним антисоветской связи и в своих показаниях все выдумал. С Радеком тоже встречался, но не по антисоветской линии, а все показания дал исключительно под избиением. Все показания, касающиеся Марии Остен, Андре Жиде, а также вербовки в германскую, французскую и американскую разведки, тоже вымышлены и даны под давлением следователя...»

Судебное заседание объявлено законченным, и подсудимому предоставляется последнее слово. И Кольцов вновь заявляет, что его показания родились из-под палки, «когда его били по лицу, по зубам, по всему телу». Он был доведен следователем Кузьминовым до такого состояния, что «дал показания на совершенно невинных людей, его знакомых. Ни в одном из предъявленных ему пунктов обвинения виновным себя не признает и просит суд разобраться в его деле и во всех фактах предъявленных ему обвинений».

После этого «самый справедливый советский суд» удалился на совещание...

Приговор: «Кольцова-Фридлянда Михаила Ефимовича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Здесь же, в деле № 21620, подшита скромненькая справка, подписанная помощником начальника 1-го спецотдела НКВД СССР старшим лейтенантом Калининым: «Приговор о расстреле Кольцова Михаила Ефимовича приведен в исполнение 2 февраля 1940 года».

И все! Человека не стало. Стратегия поведения, избранная Кольцовым во время следствия, — все признавать, а судьи, мол, во всем этом бреде разберутся, — конечно же, не помогла. Она и не могла помочь — ведь санкцию на арест и приговор дал сам Сталин. Так что шуточный, на первый взгляд, вопрос вождя: «Вы не собираетесь застрелиться?» — звучал скорее как совет журналисту.

Борис СОПЕЛЬНЯК

257